

И. С. Андреева

ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ СОСТОЯЛАСЬ (О воспоминаниях академика В. А. Виноградова)

Андреева Искра Степановна —
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Мы непосредственно вовлечены в историю, живем ею, она — нами. Сегодня мы участвуем в ее свершениях, которые завтра уйдут в царство прошедшего. Эта, казалось бы, очевидная и тривиальная истина в силу каких-то особенностей психики, как правило, ускользает от обыденного сознания. Отвлеченно каждый согласен с этим, но конкретно большинство людей не склонно думать о том, что их дни и труды станут объектом интереса, изучения, может быть, восхищения, окажутся на одной плоскости, скажем, с «эпохой Пушкина», «эпохой Киевской Руси». А сами они — участники и свидетели событий — превратятся в живых носителей истории, осуществляющих «связь времен».

У нас на глазах исчезла советская власть; уходят в прошлое реалии той жизни, события, память о людях. Все еще распространены нигилистические и злорадные оценки истории СССР, аналогичные идеологическим клише советской эпохи, требовавшим чернить дореволюционную историю России. Между тем людям XXI в. предыдущее столетие являет себя как великая и трагическая в своих достижениях, противоречиях и безднах эпоха, которая должна ныне вступающим в жизнь служить примером и предостережением не достигать целей неправыми средствами, не заменять общие цели частным интересом.

В этих условиях настоятельно необходимо возродить нашу историческую память, вернуть почтение к нашему прошлому, реабилитировать честно прожитую жизнь каждого из нас. Это задача не только историка, но и мемуариста.

Воспоминания Владимира Алексеевича Виноградова* о событиях собственной жизни и жизни его близких, о его товарищах, коллегах, руководителях и начальстве представляют в этой связи большой общественный и научный интерес. Речь идет о драматической судьбе поколения, рожденного после гражданской войны и вступившего в самостоятельную жизнь накануне войны Отечественной, о его служении общему делу, которое и в годы теперешней разрухи востребовано страной и людьми.

* В.А.Виноградов. *Мой XX век. Воспоминания.* — М., 2003. — 416 с.

Это было поколение, за которое был сделан выбор отцами: большевики победили, выдвинув принятую народом программу переустройства общества. В начале 30-х годов с огромными потерями, но и с энтузиазмом (см., например, замечательную повесть Малышкина «Люди из захолустья») осуществлялась модернизация страны. В ее осуществление впервые вступали подготовленные культурной революцией молодые специалисты, а не только «спецы» (техническая интеллигенция «старого» времени) и «выдвиженцы» (способные рабочие и крестьяне).

В.А.Виноградов — из поколения «второго эшелона» выросших в Советском Союзе людей; молодой, энергичный, любознательный человек с активной жизненной позицией, он выбрал важную для страны инженерную профессию, поступив в Казани на моторостроительный факультет авиационного института. В 1940 г. он был призван в армию и встретил начало Отечественной войны на западной границе в районе Луцка в составе механизированного корпуса, командир которого в канун нападения вермахта приказал солдатам спать в одежде и иметь при себе оружие.

Шестьдесят лет спустя после победы многие забывают о том, кто одержал победу в войне с фашизмом, кто раздавил гитлеризм. Приходится слышать, что Отечественная война была всего лишь столкновением двух фашизмов — коричневого и красного, схваткой Гитлера со Сталиным, не более того. После победы народы Европы молились на русских, а сегодня от имени русского народа иные готовы приносить извинения немцам за то, что их побили в войне, которую они же сами и начали. Коммунизм принес много страданий русскому народу, но все же его нелепо сравнивать с фашизмом. Гитлеризм — это идеология превосходства одного народа над всеми остальными, коммунизм — мечта об осуществлении земного рая для всех.

Мы воевали под патриотическими лозунгами. Еще до войны в школу вернулось преподавание истории, до того было только обществоведение. Патриотическая тема снова зазвучала в искусстве и литературе. Фильм «Александр Невский» выглядит сегодня бутафорским. Но в то время он переживался как откровение. «Вставайте, люди русские!» — звучало с экрана; до того мы пели «Заводы, вставайте!».

С первой минуты войны подразделение 20-летнего солдата Виноградова вело тяжелые оборонительные бои. На исходе июля 1941 г. он был ранен, почти смертельно; врачи говорили тогда и много позже, что такого они не встречали: пуля снайпера прошла сквозь шею, не поразив ни гортань, ни артерии, ни позвоночник, вышла к лопатке, задев левое плечевое нервное сплетение. В госпитале от раненого товарища он получил последнее известие о своей части: в конце августа она все еще сражалась. Если вспомнить, что творилось на фронте в начале войны, следует высоко оценить стойкость солдата и его товарищей по оружию.

Многomesячное скитание по госпиталям закончилось инвалидностью. И В.А. поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, а в 1943 г. стал студентом факультета международных отношений МГУ. Когда обучение первого набора специалистов-международников было завершено, он, единственный из выпуска, — заместитель секретаря партбюро (между прочим, он вступил в партию в самые драматичные дни войны — летом 1942 г., когда наши войска откатывались к Сталинграду), секретарь комитета комсомола, член КПСС, отец семейства —

оказался безработным. Причина «простая»: десять лет назад (в 1937 г.) был расстрелян как враг народа отец его будущей жены, а ее мать оказалась в лагере.

С августа 1948 г. Виноградов стал работать в Академии наук, и она стала для него родным домом. До настоящего времени он трудится в ее стенах — 23 года на различных должностях в аппарате Президиума АН; 26 лет директором фактически созданного им, по-своему уникального Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), ныне — советником РАН, членом дирекции ИНИОН. Работа в Академии наук соединялась с научным ростом. Защита кандидатской (1954) и докторской диссертаций (1964), участие в работе Ученых советов и в педагогическом процессе ряда вузов, разработка проблем экономической истории, в частности, типов национализации и приватизации, избрание член-корреспондентом (1966), а затем — академиком АН СССР (1984) — таковы основные вехи его научного пути.

В советские годы имело место мощное государственное обеспечение развития и организации науки, высокий статус Академии наук как социального института не подвергался сомнению, а Президиум АН был руководящим и координационным центром деятельности главных научно-исследовательских институтов страны. Выдающиеся ученые страны, возглавлявшие различные подразделения Президиума, нуждались в хорошо подготовленных сотрудниках аппарата. Таким сотрудником стал Виноградов. В его воспоминаниях высвечивается не только эффективность организации работы головного органа АН, но и масштабы, и важное для развития научного потенциала страны содержание его работы.

Автономия Академии наук в сталинские годы была весьма ограниченной (чего стоит, например, описываемая автором отмена ЦК КПСС выборов 1950 г. в члены АН в ночь накануне этих самых выборов). В условиях сверхцентрализованного государства за деятельностью Президиума, академических Отделений, институтов и т.д. следили органы безопасности, идеологические службы, финансовые структуры и множество иных чиновников; аппарату Президиума требовались умение и строгая дисциплина (в том числе и в составлении «бумаг») общения с вышестоящими инстанциями, не наносящие ущерба науке. Такого рода работа не мешала инициативности управленцев. Молодому сотруднику Президиума АН посчастливилось работать под руководством выдающихся ученых и организаторов науки; он приобрел богатый опыт ведения дел, навыки защиты государственных интересов и вырос в авторитетного руководителя.

Большой интерес представляют его воспоминания о содержании, стиле и качестве работы президентов АН СССР — о С.И.Вавилове, А.Н.Несмеянове и М.В.Келдыше, вице-президенте А.В.Топчиеве, А.Н.Тихонове, М.Д.Миллионщикове, М.Н.Агошкове и других ученых. Мы узнаем, что, несмотря на давление, дух свободы в Академии не угасал, что проявлялось, например, в тайном голосовании на выборах новых членов Академии. Так, в 1946 г. все участники, включая академика М.Б.Митина, рекомендовавшего к избранию Г.В.Васецкого, проголосовали (правда, при тайном голосовании) против него. Другое дело — кампании по разоблачениям, инициированные ЦК КПСС. Виноградов — свидетель печально знаменитой сессии

ВАСХНИЛ (1948), целью которой был разгром генетики, а также баталий в борьбе с космополитизмом (1949), дискуссии по языкознанию (1950).

Позиция Президиума во время этих «проработок» была пассивно негативной быть может не только потому, что открытое противостояние было опасным для жизни, но и потому, что оно могло повредить Академии. Виноградов отмечает, что в Президиуме к имени академика Лысенко пиетета не было; его сотрудники дистанцировались от брани и дрызг. Многие потерявшие работу ученые могли надеяться на помощь сотрудников Президиума в получении новой работы. В такой помощи принимал участие и автор книги.

В наши дни едва найдется десяток живых людей, кто работал в контакте с президентом АН СССР Сергеем Ивановичем Вавиловым (1945—1951), слушал его доклады и выступления, общался в стенах Академии. Виноградов вспоминает о Вавиллове как о человеке энциклопедических знаний, крупном ученом, требовательном руководителе и обаятельном человеке. Впервые он увидел его на сессии ВАСХНИЛ. "Я всматривался в его лицо. Оно было напряженным и грустным. Очевидно, ему было и очень горько, и очень трудно. Мне невольно вспомнилась судьба его брата — Николая Ивановича — крупнейшего в мире генетика, безвинно репрессированного в 30-е годы и погибшего в заключении во время войны. Все это произошло не без «помощи» Лысенко" (с.62). Во вступительном слове С.И.Вавилов не восхвалял И.В.Мичурина и Т.Д.Лысенко, что требовалось по ритуалу; напротив, он отметил значение для советской науки проблем эволюционизма, напомнил о мировой известности Мечникова, Докучаева, Тимирязева и др. и подчеркнул, что учение о генах и их влиянии на наследственность имеет сторонников не только среди ряда советских ученых, оно господствует в мировой науке. Сессия нанесла огромный урон биологической науке, хотя некоторым утешением можно было бы считать принятую позже программу изданий работ как отечественных, так и зарубежных биологов.

С.И.Вавилов, пишет автор, был безотказен в работе, даже самой малой. В частности, он не мог поставить своего имени как редактора на титуле книги либо подписи под документом, не убедившись в их добротности, что стало хорошей школой для автора воспоминаний, тогда еще совсем молодого человека. Серьезное отношение к результатам исследований побудило С.И.Вавилова настоять на более строгом учете качества научной работы при присвоении звания старшего научного сотрудника. Тоже — урок. Последний раз автор видел С.И.Вавилова за сутки до его кончины (25 января 1951 г.): они встретились на лестнице, когда президент покидал здание Президиума. «У него был очень усталый вид».

Автор тепло вспоминает частое рабочее общение с академиком А.В.Топчиевым, с 1949 г. главным ученым секретарем АН — мотором в управлении делами Президиума, чей динамичный стиль Виноградов стремился усвоить. Топчиев стал в Академии центром притяжения, освободив президента от многих текущих дел. Он постоянно поддерживал своего сотрудника, доверял ему, ценил его трудолюбие и инициативность. Уже в 1951 г. по его инициативе Виноградову поручили подготовить доклад для ЦК «Политическое состояние кадров в Академии наук СССР», речь в котором должна была идти не только о преданности Родине, но и о профессиональных качествах сотрудников Академии.

Качественно новый этап в развитии науки начался с 1951 г., когда президентом АН в течение десяти лет был А.Н.Несмеянов. Виноградов многими фактами подтверждает ее расцвет. Речь шла не только об активизации исследовательской работы в институтах АН и о росте авторитета Президиума. Первые плоды нового этапа начали созреть в конце 50-х—в 60-е годы.

В наши дни часто приходится слышать о шестидесятниках недоброе, будто они сживали, попивали и попевали на кухнях с кукишем в кармане. Было и такое; вот об уникальных научных открытиях и разработках пишут как о воле случая, общего подъема пытаются не заметить. На самом деле наука бурно развивалась, и то время стало в целом ее подлинным расцветом (у нас была действительно великая эпоха). Региональные Отделения АН стали выдающимися научными центрами, которыми мы гордились. Ученые с их трудами и житейскими драмами стали героями литературы и кино (вспомните романы Каверина и Дудинцева, фильмы «Девять дней одного года», «Москва слезам не верит», «Июльский дождь» и др.).

Автор свидетельствует, что в 1957 г. началось становление Отделений АН; строительство академгородков шло тогда не только под Новосибирском, но и в других местах. Как руководитель управления кадров АН, он принимал активное участие в осуществлении проекта, в частности, сотрудничал во всех подготовительных работах и отвечал за проведение в Новосибирске первых выборов в академики и члены-корреспонденты. И больно было смотреть недавнюю передачу ТВ, посвященную Сибирскому отделению АН, о выживании полуразрушенных лабораторий и обнищавших ученых, питающихся со своих жалких огородов.

Практически осуществлялось размежевание наук: старые и вновь возникавшие научные школы превращались в целые направления и становились отдельными научными отраслями, поэтому создавались новые институты, обеспечивавшие условия для их работы. Одновременно усиливалось взаимодействие различных отраслей знания, работающих на стыке наук (физики и биологии, физики и химии и т.п.). В общественном сознании по почину А.Н.Немчинова, поддержанному экспертизой Виноградова, порученной ему Президиумом, возник Центральный экономико-математический институт (1963). Не без участия Виноградова в 1956 г. формировалось руководство Института мировой экономики и международных отношений. Необходимо было обеспечить преемственность в работе научных школ и направлений, и в Академию в большем количестве стали привлекать молодежь; ежегодно более тысячи молодых специалистов входили в науку. Виноградову довелось включиться в работу по привлечению в АН талантливой молодежи и стимулированию ее научного роста (посредством организации и участия в работе Советов молодых ученых и молодежных научных конференций).

Те годы были отмечены взлетом международных научных и культурных связей. Академия принимала и посылала за рубеж десятки делегаций, подписывались соглашения о научном и культурном сотрудничестве, отправлялись и принимались на стажировку наши и зарубежные ученые. Виноградов как начальник Иностранного отдела (с 1958 г.) и как заместитель главного ученого секретаря по общественным наукам (с 1960 г.) принимал активное участие в подготовке и подписании первых

в истории страны соглашений о научных обменах с президентом Национальной академии США Д.Бронсом (1959), о научно-техническом и культурном сотрудничестве с Министерством иностранных дел Италии (1961), чем он по справедливости гордится. Позже последовали череда различных встреч, участие в важных международных конференциях (Пагуошского движения, в Генеральной конференции ЮНЕСКО и пр.) и самостоятельное проведение десятков конгрессов и встреч (в качестве вице-президента Международного совета социальных наук при ЮНЕСКО и пр.).

Это было время, когда были не только «физики в почете»; совершался поворот и к «лирикам» — к углублению общественного и гуманитарного знания. Задача общественных наук состояла в осмыслении социальных последствий научно-технической революции. Обсуждались проблемы индустриального и постиндустриального общества (так называемых революций интеллектуалов и менеджеров, технократии, информационного общества, конвергенции социальных систем и т.п.). В гуманитарном знании (языкознании, философии, истории) раздвигались горизонты. В результате и здесь возникали новые научные центры и институты (социологии, психологии, русского языка, истории естествознания и техники, истории СССР, всеобщей истории, этнографии, археологии и др.). Обнаружилась острая потребность в расширении информированности в области общественного и гуманитарного знания, воплотившаяся в создание института, аналогичного Институту научно-технической информации, созданного много лет назад по инициативе А.Н.Несмеянова.

В 1972 г. Виноградов занял должность директора Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН). Уникальность ИНИОН состояла прежде всего в том, что он был единственным комплексным институтом в составе Академии наук, объединяющим социальное и гуманитарное знание. Заместитель главного ученого секретаря Президиума АН, В.А.Виноградов хорошо знал положение в гуманитарных Отделениях и разделял взгляды ученых на характер информационного обеспечения их отраслей. Уникальность Института состояла и в том, что в короткое время, опираясь на актив Института, дирекции удалось создать не имеющую аналогов программу информационного обслуживания этих наук. К этому следует добавить, что ИНИОН стал единственным институтом АН, свободным от контроля Главлита (цензуры); руководство умело осуществляло самоконтроль и противилось административному надзору над планами и результатами работы Института. Были, правда, ограничения и умолчания, но они в какой-то мере компенсировались публикациями под грифом «для служебного пользования» (ДСП), доступными для сотрудников АН.

Виноградов отмечает, что его появление в ИНИОН встретили с опаской, ходили слухи о «чистке» кадров Института. Но ничего такого не случилось, каждому нашлась работа. В 1972—1973 гг. в реферативные отделы пришли около 200 новых научных сотрудников, главным образом молодых специалистов, владевших иностранными языками. Вокруг реферативных отделов стал складываться широкий круг внештатных референтов (численностью до трех тысяч), среди которых были молодые специалисты и аспиранты, ценившие возможность работать с новейшими зарубежными и отечественными изданиями, дисциплинирующие свои мысль, язык

и стиль, подчиняясь специфике норм рефератов и обзоров. Многие из них стали авторитетными учеными, но до сих пор при встречах благодарят как учителей своих кураторов — старожилы ИНИОН.

Доступность зарубежной литературы существенно расширила поле исследований, возникали новые подходы, открывались глаза для освоения неизвестных ранее проблем, многие потребители на основе информационных изданий Института защищали кандидатские и даже докторские диссертации. ИНИОН приобрел высокий статус среди других академических институтов. К слову сказать, в советские годы из Института почти никто не уходил, да и сейчас большая часть сотрудников работает в нем едва ли не со времени его основания.

Автор рассказывает, как в 1972 г. было налажено информационное сотрудничество с зарубежными центрами (в частности, с Европейским центром по координации исследований в области социальных наук в Вене). По инициативе ИНИОН была создана Международная информационная система по общественным наукам (МИСОН) в рамках академий наук социалистических стран. Естественно, эта система рухнула после начала общественной трансформации в СССР и Восточной Европе.

Большое значение в жизни В.А.Виноградова имели подвижнические хлопоты, связанные со строительством нового здания Института. Долгострой, начавшийся еще в 1968 г., являл собой причудливое нагромождение останков строительных конструкций. Автор воспоминаний не может не гордиться теми усилиями, какие потребовались ему, не имевшему опыта хозяйственной деятельности, для обуздания строительного произвола и завершения за короткий срок строительства нового здания, для организации самоотверженного труда сотрудников по перемещению в новые книгохранилища огромного книжного фонда в несколько миллионов единиц. В это время библиотека ИНИОН ни на один день не прекращала принимать читателей.

Грянула перестройка. Она, а затем и (после распада СССР) так называемое постсоветское время, осложнили ситуацию в Академии наук в целом, что не могло не сказаться на работе Института, лишенного регулярного финансирования, налаженного производства, материального обеспечения сотрудников и институтского хозяйства. Нужно было что-то делать с идеологическими аспектами информации, с переориентацией деятельности ряда подразделений. Постепенно все наладилось. Однако, увы, резко уменьшилось финансирование закупок зарубежной литературы (но постепенно были освоены новые формы книгообмена и через Интернет); были сокращены тиражи (но сохранилась подписка), упразднены или объединены некоторые издания; идеологические подразделения нашли свою нишу (в частности, многие сотрудники упраздненного отдела научного коммунизма переклонились на культурологические исследования, возникло направление политологии и пр.).

Институтский коллектив не миновали демократические страсти: проводились шумные собрания; радикалы винили директора в консерватизме и бюрократизме. Первое обвинение было более чем странным: 20 лет, едва ли не единственный в стране, Институт всеми своими зарубежными изданиями стоял «близко, при дверях» перестроечной свободы мысли и слова и вхождения в «цивилизованное» общество. В баталиях сотрудники поддерживали своего директора, который казался невозмутимым: его

здоровый консерватизм состоял в твердом стремлении сохранить жизнеспособность института и обеспечить его устойчивость, необходимую для работы в смутное время. К примеру, тогда зарплата выплачивалась почти в срок (в отличие от того, что творилось в 90-е годы в АН и на большинстве предприятий страны).

Что касается бюрократизма В.А.Виноградова, за который его хулили местные «демократы», в институте изначально действовал четкий порядок в делах, которого руководство добивалось не просто ради формальности, но рассматривало его как важный элемент производственного процесса в институте. Оглядываясь на более чем 30-летний опыт его работы и более чем 15-летний срок бытования в условиях всеобщей разрухи, приходится удивляться тому, что запущенный когда-то механизм работает как часы, почти без сбоев, и по объему публикаций с ИНИОН не может состязаться ни один из профильных академических институтов.

К тому же никто не станет спорить, что правила и нормы мобилизуют: к примеру, более половины сотрудников отдела философии ИНИОН в свое время защитили докторские диссертации, а те, кто переместились в университеты и другие научно-учебные заведения, занимают там лидирующие позиции; и все оставшиеся в ИНИОН научные сотрудники имеют за его пределами, как говорится нынче, «высокий рейтинг».

В.А.Виноградов с уважением вспоминает сотрудников Института, помогавших ему обустроить новое для всех дело. Активно участвуя в кадровой политике Академии, в развитии научных и культурных связей с зарубежными странами, в создании уникального Института, он внес весомый вклад в повышение статуса советской науки и культуры в мировом масштабе. Для времени, в каком довелось ему работать большую часть жизни, были характерны социальный оптимизм и уверенность в будущем. В постсоветское время капитал был растрочен. Но хотя АН еле жива, до сих пор интеллект нашей талантливой молодежи и зрелых ученых высоко котируется, в том числе и за рубежом, благодаря тому заделу в организации науки и тем связям, какие сложились в те годы.

Уравновешенный тон воспоминаний Виноградова являет нам, казалось бы, образ человека, «застегнутого на все пуговицы», сдержанного и даже холодного. Мы не узнаем, что думал солдат, почти мальчик, комсомолец, получив тяжелое ранение и сутки находясь в медсанбате части, ведущей оборонительный бой с превосходящими силами противника. Мы не слышим стенаний по адресу КГБ, оставившего его по окончании вуза без работы. Мы не найдем хвалы или хулы социализму, подобной той, в которой иной раз сладострастно упражняются те, кто всю жизнь ему служил.

В то же время эмоциональный мир автора открывается в его стихах и тех разделах книги, где он с любовью пишет о родителях, жене, детях и внуке, друзьях и товарищах по работе. В конце концов, читатель воспоминаний понимает, что автор принимает жизнь, какой она ему дана, и она действительно ему удалась, потому что он жил и трудился (участвуя в развитии науки, построив Дом и создав Институт), ничего в ней не разрушая. К тому же, похоже, он знает, что смысл жизни состоит в том, чтобы достойно прожитой жизнью достойно встретить ее завершение (см. об этом «Эпилог» и четверостишие на с. 403: «Я в философские глубины / Проникнуть никогда не мог,/ Но знаю: жизнь и смерть едины./ И нет у нас иных дорог»).